

Е Наньмянь продолжал повторять — братик, братик, братик, братик, — и у Е Наньфэна внезапно возникло ощущение, что вокруг него собралась целая стая кудахчущих куриц. От одной этой мысли у него по коже побежали мурашки, и он поспешно остановил брата:

— Хватит! Неужто в тебя вселилась насадка и ты собрался высиживать цыплят? К чему это «ко-ко-ко»? Тебе понравился тот лев, которого ты только что увидел?

Как и ожидалось, при упоминании льва глаза ребенка загорелись, и он с энтузиазмом кивнул, уверенно ответив:

— Понравился.

Е Наньфэн взглянул на брата, улыбнулся и, повернувшись, повел его обратно к лотку с деревянными резными фигурками.

В этот миг Е Наньмянь почувствовал, что его брат выглядит невероятно уверенно!

Е Наньфэн обратился к продавцу:

— Хозяин, я покупаю этого льва. Нельзя ли поторговаться о цене?

Продавец, который до этого сосредоточенно вырезал фигурку, поднял голову и, увидев братьев, не удивился их возвращению. Он добродушно улыбнулся:

— А сколько вы, молодые господа, готовы предложить?

Е Наньфэн ответил:

— Шесть лянов, как насчет?

Продавец внимательно осмотрел мальчика, которому на вид не было и десяти лет. На лице ребенка застыла вежливая улыбка, словно он не считал свое предложение чрезмерно заниженным.

Они долго смотрели друг на друга, пока, наконец, продавец не сдался и с улыбкой произнес:

— Молодой господин, вы так торгуетесь, что я и слова вымолвить не смею. Эта фигурка вырезана из лучшего сандалового дерева. Вы знаете, сколько я изначально за нее просил?

Е Наньфэн промолчал, ожидая продолжения.

Продавец продолжил:

— Я потратил целый год на создание этого льва. Год назад я оценил его в пятнадцать лянов, но, честно говоря, в таком шумном месте, как это, никто не готов заплатить такую сумму за

подобную безделушку. Потому я и снижал цену, пока она не дошла до нынешних десяти лянов. А теперь вы предлагаете мне шесть. Как же я тогда семью кормить буду?

Е Наньфэн сказал:

— Видно, что над этим львом действительно потрудились. Резьба детализирована, фигурка выглядит живо. Но, как вы и сами изволили заметить, простолюдины такое не купят, а богатые дома на столь малую вещицу и внимания не обратят. Мой младший брат увидел ее и сердцем прикипел, вот я и хочу приобрести, дабы его порадовать. А по-моему, шесть лянов — цена самая что ни на есть подходящая.

Продавец понял, что, несмотря на юный возраст, этот мальчик не так прост, как кажется. Он даже сложнее, чем иной взрослый покупатель. Потому он и отказался от мысли нажиться на нем.

— Что ж, давайте так. Мы оба пойдем на уступки. Шесть лянов и восемь цяней. Для хорошего предзнаменования, чтобы ваш младший брат рос здоровым и был защищен от всякой нечисти. Как вам?

Е Наньфэн кивнул:

— Договорились.

Е Наньмянь наблюдал за происходящим, не отрывая глаз. За столь краткое время его брат смог сбить цену с десяти лянов до шести с восемью цянями. Это было настолько впечатляюще, что он не мог отвести взгляда.

В итоге Е Наньмянь с радостью прижал к груди своего любимого льва, ожидая, пока брат расплатится. Сам он уже потратил почти все свои пятьдесят лянов, оставив себе лишь два, потому сейчас он ничего не покупал.

Е Наньфэн достал из кошелька золотой слиток весом в пять лянов — самую мелкую сумму, которая у него была. Когда Е Чуйгань давал деньги своим сыновьям, младшему доставались мелкие суммы, а старший получал более крупные.

Е Наньфэн спросил:

— Хозяин, вы сможете дать сдачу? Мелких при себе не имею.

Продавец был слегка озадачен. Два мальчика выглядели отпрысками знатного семейства, но старший из них явно в финансах толк знал, что заставило его задуматься. Впрочем, к делу это не относилось. Загвоздка была в ином — столько денег для сдачи у него не водилось.

— Честно говоря, молодой господин, такой суммы для размена у меня нет. Но есть у меня одна мысль. Хранится у меня одна вещица, которую я за наследство почитал, да вот сейчас сдачу

дать не могу. Не угодно ли вам взглянуть? Коли приглянется — цену сговорим. Нет — я уж как-нибудь раздобуду деньги и верну. Как вам?

Е Наньфэн внимательно посмотрел на продавца. Тот выглядел человеком лет тридцати-сорока, с аккуратными усиками и добродушным лицом, казавшимся искренним.

Но Е Наньфэн знал: встречают по одежке, а провожают по уму. Они же были всего лишь двумя детьми, и коли у кого дурные мысли в голове заведутся — беды не миновать.

Продавец заметил колебания Е Наньфэна и понял, что тот не доверяет. Потому и сказал:

— Молодой господин, не извольте беспокоиться. Окружающих можете спросить. Делом этим я уже несколько десятилетий кормлюсь, и отцы мои тем же промышляли. Репутация у нас крепкая, и я человек честный. На противозаконное не пойду. Просто вещь та и впрямь особенная, потому в лавке ее и не выставлял.

Е Наньфэн не стал доверять ему полностью, но и не отказался. Даже если у продавца и были худые помыслы, он не боялся. Читая роман, он знал, что родная мать оставила рядом с ним телохранителя. Тот мог обойти даже стражу княжеского дворца, что о многом говорило. Е Наньфэн уже проверял — человек и вправду существовал.

Именно благодаря ему, даже когда Ян Фэнлань пыталась отравить его, он выжил. Хотя отчего в конце концов исходный владелец тела умер, а его оболочку занял скитающийся дух, было неизвестно. Но защитник тот и впрямь был могущ.

Е Наньфэн спросил:

— Что же это за вещь такая, коли столь таинственна?

Продавец погладил свои усики, и в голосе его, сдержанном, но все же прорывающемся наружу, зазвучала гордость:

— Творение рук моих лучшее — кинжал. Да не простой, а из чэньтему сделанный. Молодой господин, ведаете ли, что такое чэньтему?

Е Наньфэн читал об этом и знал, что это такое, но промолчал.

Продавец, не дожидаясь ответа, продолжил хвастаться своим кинжалом:

— Чэньтему железа настоящего тверже, и достать его — задача не из легких. Да еще и аромат от него холодный исходит. От предков мне небольшой обрезок достался, вот я и сделал из него кинжал.

— Клинок сей железо режет, словно масло. Но если чэньтему кровью запятнается — противоядие немедля принять надобно, не то кончина мгновенная настигнет. Когда я его

вырезал, руку по неосторожности поранил, но, к счастью, противоядие под рукой было, а то бы уж давно перед Яньло-ваном предстал.

Е Наньфэн лишь улыбнулся, не выражая ни согласия, ни сомнения. А Е Наньмянь широко раскрыл глаза и тихо спросил продавца:

— Хозяин, и впрямь такой удивительный? Можно и мне взглянуть?

Продавец рассмеялся и ответил:

— Отчего ж нет, молодые господа, обождите малость.

Затем он крикнул в дом:

— Жена, я ненадолго домой, присмотри за лавкой.

Из дома выглянула красивая женщина, взглянула на Е Наньфэна и Е Наньмяня и бодро отозвалась:

— Ступай, я присмотрю.

Голос ее совсем не соответствовал прекрасной внешности. На вид ей было не больше тридцати, была она ухожена, кожа бела, черты лица изящны. Даже без румян и белил многих красавиц заставила бы потупить взор. Никак не походила она на жену резчика, скорее — на даму из знатного дома.

Е Наньфэн лишь мельком взглянул на нее и сразу отвел глаза, а Е Наньмянь смотрел на нее с открытым ртом, не веря своим глазам.

Продавец заметил реакцию братьев, но лишь улыбнулся, не обращая внимания на невежливость Е Наньмяня, и начал рассказывать:

— Жена моя. В молодости из мира бродячих мастеров была. Познакомились мы благодаря резной волчьей фигурке небольшой. Характер у нее удалой, многие известные мастера за ней волочились, но выбрала она меня, человека простого.

— Взял я ее в жены, а все думаю — не достойна ли она лучшей доли? Стараюсь, как могу, ей угодить, да не всегда получается жизнь ей обеспечить достойную. Домом она управляет, в свободное время в лавке помогает. Трудится даже больше, чем я.

<http://bllate.org/book/15521/1379611>